

Г. ХИЛЬГЕР О ВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ГЕРМАНИИ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ (СССР) В 1920–1930 ГГ.

В.А. Космач, г. Витебск (Республика Беларусь)

Статья посвящена, военному и военно-техническому сотрудничеству Берлина и Москвы в межвоенный период (1919–1939 гг.), когда Германия СССР в силу сложившихся внешнеполитических обстоятельств и геополитике великих держав в Европе стали тесно сотрудничать в военной области в духе Рапалльского, Московского и Берлинского договоров 1920-х гг. Написана на основе книги Г. Хильгера и А. Майера «Россия и Германия союзники или враги?» [11].

Ключевые слова: СССР, Германия, рейхсвер, Красная Армия, договор, военное сотрудничество, военно-технические связи, дипломатия.

Введение. После поражения в Первой мировой войне Германия в европейской политике и международных отношениях оказалась в ситуации неблагоприятной, в изоляции и положение изгоя. Не лучшая обстановка складывалась вокруг Советской России. Всё это вынудило Берлин и Москву подписать договор в Рапалло в апреле 1922 г. во время работы международной конференции в Генуе. После этого между Германией и Советской Россией, а затем СССР начались интенсивные военные и военно-технические контакты, принесшие выгоду обеим сторонам. Начинались они, как дипломатические и торговые связи, ещё в 1917–1919 гг. Германский дипломат и советник германского посольства в Москве Густав Хильгер был не только свидетелем, но и одним из участников и творцов Германо-советского сотрудничества во всех областях, в том числе в военной, на протяжении всех лет «рапалльской политики», до и после Рапалло, а также в 1930-е годы.

Материалы и методы. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать ключевые моменты германо-советского сотрудничества в военной области, но не путём пересказывания уже, написанного немецкими, советскими, российскими и белорусскими историками [1–9; 10; 12; 13], а отразить их через их видения и оценку в работе известного германского дипломата и советника германского посольства в Москве в 1923–1941 гг. Густава Хильгера, написавшего совместно с немецким историком Альфредом Майером книгу «Несовместимые союзники», которая увидела свет и нашла своего читателя на русском языке 2008 г. под названием «Россия и Германия союзники или враги?» [11].

Историко-описательный и историко-сравнительный методы положено в основу написания данной статьи.

Результаты и их обсуждение. Густав Хильгер родился в Москве, где провел большую часть жизни. Его прапрадед еще в 1830-е годы, спасаясь от экономического кризиса, перебрался в Россию и построил текстильную фабрику на Клязьме. Когда дела пошли лучше, Хильгеры создали преуспевающую торговую компанию, московским отделением которой

руководил отец нашего героя. Густав окончил немецкую гимназию в Москве, где преподавание велось на немецком языке, но в соответствии с принятыми в России учебными курсами: «Киевская Русь, Иван Великий и Пугачев были для меня более реальны и более знакомы, нежели Священная Римская империя, Карл V или крестьянская война в Германии. Русские классики Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой, по меньшей мере, так же близки мне, как Гёте, Гейне и Шиллер. Оглядываясь на годы взросления, я отчетливо вижу, что, в зависимости от тех или иных воздействий, я нередко разрывался между русской и германской культурами. В конце концов, германское влияние победило, но не ошибусь, сказав, что у меня всегда было две родины – Германия и Россия. Я привязан к обеим любовью и ностальгией». Стоит ли добавлять, что он был совершенно двуязычен – не только лингвистически, но во многом и ментально [7, с. 194–195].

Получив высшее техническое образование в Дармштадте, Хильгер собирался уехать в Америку, но крупный германский промышленник, также родившийся в России, переманил его обратно. В 1910 г. Густав вернулся в Москву и через два года женился на дочери промышленника Марии, которая стала верной спутницей всей его жизни. Идиллию семейной и деловой жизни грубо прервала мировая война: Хильгер был арестован и после нескольких месяцев в тюрьме депортирован в отдаленную деревню Вологодской губернии, выбраться из которой смог только после Февральской революции. Знание русского языка и русских нравов сделало его одним из основных ходатаев по делам немцев перед местными властями; после революции он неофициально, а после Брестского мира и официально возглавлял различные комиссии по помощи и репатриации военнопленных. После разрыва дипломатических отношений в ноябре 1918 г. Хильгер уехал в Германию, но уже летом 1920 г. вернулся в Москву, где вскоре стал официальным представителем германского Красного Креста и принимал непосредственное участие в борьбе с голодом и эпидемиями, сам чуть не став жертвой одной из них. При отсутствии дипломатических и консульских отношений между странами Хильгер на деле был главным представителем Веймарской республики в Советской России, на свой страх и риск решая вопросы, от которых нередко зависела жизнь его соотечественников. Позже он вспоминал это время как самое счастливое в своей жизни [7, с. 195].

В 1922 г. он снова задумался о возвращении на историческую родину, откуда ему поступали заманчивые деловые предложения. Однако назначенный после Рапалльского договора посол граф Ранцау уговорил его остаться. Для развития советско-германских отношений в 1920-е годы Ранцау сделал не меньше, чем Гото для советско-японских, – во многом благодаря нашему герою. В январе 1923 г. Хильгер поступил на дипломатическую службу, получив ранг советника и должность начальника экономического отдела посольства с прямым подчинением послу. Техническое образование и опыт в сфере бизнеса делали его наиболее подходящей кандидатурой, но уникальное знание России и умение ладить

с большевиками повышали ценность и значение Хильгера во сто крат. Послы менялись – он оставался на своем посту в качестве главного консультанта по русским делам и главного канала связи с русскими во всех ведомствах и на всех уровнях. В том числе полуофициально, как в случае Радека.

Хильгер имел все основания не любить большевиков, лишивших его семью и семью его тестя собственности и превративших его родственников в беженцев. Однако он не считал их власть однодневкой или «временным явлением». «Всерьез и надолго», – часто цитировал он известную фразу Ленина про нэп. Не обольщаясь насчет истинных мотивов и намерений «красных» в отношении «капиталистического окружения», он считал необходимым выстраивать долгосрочные отношения с ними и влиять в этом направлении на сильных мира сего. Но таких возможностей с каждым годом становилось все меньше. К концу тридцатых Хильгер фактически превратился в переводчика. Правда, не простого: он переводил беседы Риббентропа со Сталиным в Кремле и Молотова с Гитлером в рейхсканцелярии, не говоря уже о регулярных визитах посла в НКВД. Так что где пишется «Шуленбург», надо читать «Шуленбург и Хильгер» [7, с. 196].

Прежде чем говорить о советско-германском сотрудничестве 1920–1930-е годы, Густав Хильгер указывает на то, что по данному вопросу в Берлине среди политической и военной элиты существовали глубокие разногласия, в том числе между начальником генштаба рейхсвера генералом Хансом фон Сектом и послом Германии в Советской России и СССР графом У фон Брокдорф-Ранцау [11, с. 116–119].

Г. Хильгер пишет, что можно предполагать, что Ранцау подозревал о существовании секретной сделки между рейхсвером Секта и Красной армией; слухи о том, что договор в Рапалло содержал тайные военные параграфы, широко обсуждались в Германии, и, даже если Ранцау не придавал им значения, он полагал, что этот договор способствовал поддержанию таких вредных слухов. В июле 1922 года Ранцау написал пространную памятную записку президенту и канцлеру, в которой предупреждал даже против подобия военных договоров с советским правительством, поскольку такие соглашения могли бы нанести серьезный ущерб всяким оставшимся надеждам на сближение с Западом и могли бы подтолкнуть Англию и Францию к созданию единого фронта против Германии. Естественные опасения Англии в отношении Франции, полагал Ранцау, могут быстрее и надежнее привести к перевооружению Германии, чем сделка с советским режимом. От военных соглашений могут выиграть лишь Советы, ибо эти договоры бросят Германию прямо в советские руки. Во-первых, Россия может в любой момент обнародовать существование этих секретных отношений и тем самым дискредитировать Германию, во-вторых, она может втянуть Германию в безнадежную войну с Западом, если Красная армия вторгнется в Польшу. А если советские войска окажутся потом в Германии, они это сделают не для того, чтобы освободить ее от Антанты, а чтобы «перенести границы Азии аж до Рейна». Меморандум заканчивается увещанием подождать развития событий в России, а тем временем искать дружбу с Англией.

В известной мере это нетипичное изложение его взглядов на германо-советскую политику, потому что здесь Ранцау выразил лишь одни сомнения и оговорки, которые хранил против договора в Рапалло. И это при том, что он с готовностью соглашался, что этот договор явился блестящим ходом; а после своего назначения Ранцау не щадил себя, работая на укрепление отношений согласно договору в Рапалло.

Эта памятная записка была передана фон Секту 9 сентября 1922 года. Через два дня Сект вручил канцлеру свой ответ, написанный в воинствующем, агрессивном тоне.

Генерал заявил в упор, что Германия должна проводить активную внешнюю политику, содержащую в себе цель и твердую волю, и нанес быстрый удар по Ранцау, сказав, что «лица, которые видят одни лишь опасности... должны держаться подальше от сцены» политических действий, как непригодные для того, чтобы делать политику. Германии нужен Талейран или Троцкий, предположил Сект.

Возражая против требования Ранцау выхолостить договор Рапалло, убрав из него политический смысл и сведя договор к узкоэкономическому применению, Сект подчеркнул политическое значение договора. Комбинация с Россией, заявил он, стала первым и практически единственным выигрышем в силе и престиже, которого добилась Германия после Версаля. «Есть, – продолжал Сект, – политики, которые боятся завоеваний в активной политике Германии, когда они видят опасность в новых и более сильных контрмерах со стороны западных врагов. Такая ситуация ставит перед ними вопрос выбора западной ориентации против восточной, вопрос, которого они хотели бы избежать. Но фактически этот вопрос вообще не возникал». Затем генерал продолжает объяснять, почему, по его мнению, альянс с Советской Россией был бы единственным средством для усиления Германии. Политика выполнения условий Версаля безнадежна, потому что Франция, как считает Сект, склонна к уничтожению Германии. И умиротворить ее невозможно. Англия, утверждал он, смещается к конфликту с Францией, и независимо от того, войдет Германия в союз с Советской Россией или нет, она будет естественным континентальным союзником Англии. В принципе чем более сильной обнаружит Англия Германию, тем больше ее будет притягивать к Германии. Для фон Секта Польша не является узлом всех проблем на Востоке. Ее дальнейшее существование не может быть оправдано, полагает Сект, считая само собой разумеющимися неизбежность и желательность четвертого раздела Польши.

Нанося еще один укол графу, фон Сект заявил, что всякий, рассматривающий договор в Рапалло как ошибку, непригоден для работы на посту посла в Москве. Укрепляя Россию, своего потенциального будущего союзника, Германия усилит саму себя, писал он; и указывал, что процесс укрепления должен включать в себя и военное сотрудничество. Германия, говорил Сект в заключение, не должна погружаться в нереалистические грезы, что останется в стороне от возможных будущих конфликтов» [11, с. 116–118].

Г. Хильгер отмечает, что толчком к Германо-советскому военному сотрудничеству послужили события 11 февраля 1919 г., когда «германская полиция арестовала Карла Радека, бывшего одним из советских эмиссаров, участвовавших в провалившемся коммунистическом восстании, известном как «восстание «Спартак». Радека бросили в тюрьму в Берлине и поначалу весьма грубо с ним обращались (как он излагал эту историю спустя несколько лет). Однако постепенно его тюремщики стали вежливее. С него сняли кандалы, его перевели в камеру получше, и ему даже разрешили получать немецкие и иностранные газеты» [11, с. 233].

«Скоро, отмечал далее Г. Хильгер, Радека в тюрьме перевели в комфортабельную камеру; а после того, как ему разрешили принимать посетителей (разрешения на его посещение давали в военном министерстве), его жилище превратилось в политический салон, куда молодые коммунистические лидеры приходили за советом, государственные деятели – чтобы озвучить свои взгляды, а офицеры – чтобы установить контакт и поговорить о возможном военном сотрудничестве, особенно против Польши. После выхода из тюрьмы Радек какое-то время жил на квартире одного из этих офицеров – барона Ойгена фон Райбница, который много лет спустя сообщил, что между ним и Радеком были достигнуты определенные договоренности о новом разделе Польши. Взятие Красной Армией Варшавы должно было стать сигналом для германского «Фрайкорпса» (Добровольческий корпус; были и другие добровольческие объединения, состоявшие в основном из фронтовиков) к движению к новым границам.

Похоже, что фон Райбниц и еще один из посетителей Радека, полковник Макс Бауэр, были оба тесно связаны с генералом Людендорфом. Как и их начальник, они не придерживались мнения, типичного для военных людей Германии тех дней. В первые месяцы после революции среди германских генералов, видимо, господствовала надежда, что они могут стать нужными для Англии и Франции, сражаясь с большевизмом. Эта надежда могла еще связываться с давними амбициями расширения на Восток, наиболее радикальным выражением которых может являться меморандум, сочиненный генералом фон Сектом, возможно, в 1915 году [11, с. 234–235].

В примечаниях к книге Г. Хильгера и А. Мейера отмечено, что видимо «генерал Ганс фон Сект не всегда выступал за военное сотрудничество между Германией и Россией. Его политика сотрудничества была следствием поражения Германии и непримиримого отношения к ней западных союзников в Версале. До этого времени генералом, похоже, владели несколько иные идеи.

Среди объемистых трудов генерала фон Секта, находящихся ныне в Национальном архиве Соединенных Штатов, присутствует меморандум, написанный генералом собственноручно. Согласно замечанию, сделанному карандашом (скорее всего, добавленному генералом фон Рабенау, официальным биографом фон Секта), этот меморандум, возможно, был составлен в 1915 году. Здесь он публикуется впервые.

Невозможно установить, были ли цели войны, выраженные в этом меморандуме, теми самыми, с которыми фон Сект выступал в 1915 году, или

он просто скопировал чьи-то чужие идеи. Однако наверняка фон Сект был, по крайней мере, не чужд симпатий к ним, даже несмотря на то, что мог бы изложить их в менее радикальной форме. И даже в этом случае эти идеи заслуживают быть опубликованными как типичное выражение традиционных устремлений, разбушевавшихся в военное время. Меморандум гласит:

«Сепаратный мир с Францией и Бельгией на основе предшествовавшего статус-кво. Затем все силы бросить против России. Завоевание 10 тысяч квадратных миль, высылка населения, за исключением, естественно, немецкого. В России для него много места, особенно в великолепной Южной Сибири.

Немецкому народу нужны великие задачи. Но мы не должны рассеиваться по всему миру, а нам надо сосредоточить свои усилия в Европе. Форма: Восточная марка – Австрия времен Бабенбергов: королевство при Фридрихе Эйтеле. Свободное распределение обширных земельных пространств миллионам или более ветеранов, желающих стать колонизаторами; чем выше ранг, тем больше земли. При столкновении с [людской] жадностью это приведет к тому, что сразу же рухнет сопротивление со стороны социал-демократии и центра. Когда там будет, скажем, к 2000 году 200 миллионов здоровых и в основном немецких людей на 200 тысячах квадратных миль земли, мы сможем, по крайней мере, чувствовать себя хоть в относительной безопасности от того, что огромная Россия сможет когда-нибудь родить еще одного Петра Великого. Уже Скобелев был опасен. (Внезапная смерть блестящего генерала М.Д. Скобелева (1843–1882), не дожившего до 39 лет, скорее всего, дело германских агентов (отравление – в компании девиц легкого поведения).

Эта война, вероятно, будет стоить нам миллиона человек, и среди них будут самые лучшие. (К началу января у нас в общей сложности было убито 150 тысяч человек, 550 тысяч ранено, из них 225 тысяч тяжело, 325 тысяч – легко, а 150 тысяч пропало без вести.) Что будет значить по сравнению с этим – выслать 20 миллионов человек, среди которых множество еврейского сброда, поляков, Мазуров, литовцев, латышей, эстонцев и т. п.?

У нас есть сила для того, чтобы сделать это; и мы брошены в такие условия, которые в смысле кровопролития и уничтожения оставляют далеко позади эпоху переселения народов; отсюда давайте и вести себя соответственно обычаям эпохи переселения народов.

Наш союзник (то есть Австро-Венгрия), если хочет, может получить свою долю добычи в Волыни и Подолии.

России придется смириться с утратой земли, особенно если мы прикроем ее тыл для дальнейших экспансий в Азию.

В любом случае мне кажется, что легче выслать 20 миллионов русских, чем вытерпеть 7,5 миллиона бельгийцев.

Если России суждено победить в войне, она отберет у нас, по крайней мере, Восточную Пруссию и Западную Пруссию на правом берегу Вислы, то есть примерно одну десятую территории и одну двенадцатую часть населения Германского рейха.

Если, таким образом, весь избыток германской энергии сконцентрировать на три поколения на колонизации Востока, тогда также становится возможным мир с Англией на базе статус-кво, потому что в предсказуемом будущем у нас не будет столкновения интересов, Но если Англия желает чего-то другого, тогда наш флот-достаточно силен, чтобы продолжать эту войну до бесконечности.

Если нам впоследствии понадобятся новые колонии, мы их завоюем. Но в 2000 году этот вопрос вряд ли будет стоять между Германией и Англией, я, скорее, между Европой, Азией и Америкой» [11, с. 235–236].

Но еще до Версаля, пишут далее Г. Хильгер и А. Мейер, более влиятельные элементы среди военных обратились к идее сотрудничества с Советской Россией. Первая попытка генерала фон Секта наладить контакты с русскими была, похоже, сделана в апреле 1919 года. В то время генерал помог своему хорошему другу Энвер-паше (1881–1922) перейти санитарный кордон и добраться до советской территории. Турецкий революционер, националист, офицер и яростный враг британского империализма (а также в период Первой мировой войны фактически главнокомандующий турецкой армией, формально им был султан) Энвер-паша познакомился с генералом во время войны; после поражения Турции он бежал в Германию и находился в тесном контакте со своим другом фон Сектом; а теперь ему предоставили аэроплан, на котором он вылетел в Советскую Россию.

Однако Энвер-паша был схвачен британскими войсками, когда совершил вынужденную посадку в Литве. Он чудом спасся, когда друг генерала фон Секта майор Фриц Чунке, возглавлявший подразделение «Фрай-корпса» в Литве, узнал Энвер-пашу до того, как британцы разглядели турецкого генерала под обманчивой внешностью, и майор помог ему бежать [11, с. 26–237].

«В начале 1920-х годов, говорит Г. Хильгер, я несколько раз видел Энвер-пашу в Москве. О сути его миссии от имени генерала фон Секта или его достижениях не имею понятия. Однако нет свидетельств тому, что этот германский шпион добился каких-то ощутимых результатов. (Это весьма темная страница истории. Во всяком случае, большевистские вожди поддержали врага Энвер-паши Мустафу Кемалю (будущего Ататюрка). А Энвер-паша в конце концов оказался в Средней Азии, где руководил басмачами и был в 1922 году убит в стычке с отрядом Красной армии) [11, с. 237].

Новые попытки установления военного сотрудничества между Германией и Советской Россией по Г. Хильгеру, были совершены после окончания Гражданской войны в России. Осенью 1921 года в Берлин приехал директор фирмы «Юнкерс», чтобы прозондировать чиновников министерства иностранных дел и военного министерства на тему, какую помощь может оказать рейх его фирме для создания авиамоторных заводов в Советском Союзе. Для участия в переговорах военное министерство командировало офицеров из «Особой группы «R». «Особая группа «R» была создана несколькими месяцами ранее внутри армейской организации для

специфических целей ведения всякого Сотрудничества, которое можно было бы вести с Красной армией. Есть указания на то, что к ней относился майор Чунке и что эту группу мог возглавлять некий майор (потом полковник) Фишер. В переговорах между представителями «Юнкерса» и министерством иностранных дел «Особая группа» сыграла активную роль, гарантировав авиационной фирме, что возьмет на себя все политические риски, которые могли быть сопряжены с планируемой сделкой. Далее она гарантировала предоставление «Юнкерсу» оборотного капитала в размере 600 миллионов марок. В то время такая сумма составляла примерно 3 миллиона долларов США; но инфляция германской марки обрела такие темпы, что спустя несколько месяцев, в марте 1922 года, эта сумма стоила не более 250 тысяч долларов.

Несмотря на такие финансовые трудности, соглашения, заключенные в 1922 и 1923 годах, привели к подписанию контракта, согласно которому советское правительство предоставляло корпорации «Юнкере» концессии для производства авиационных двигателей на заводе в Филях, чуть западнее Москвы. (В 1935 году Филя включены в состав Киевского района Москвы. – Ред.) В те же месяцы была создана германо-советская компания «Берсол» с целью производства отравляющих газов – в Троицке, в Самарской губернии. Управляющим этого предприятия был д-р Гуго Штельценберг. Также были заключены контракты, по которым советское правительство должно было получать техническое содействие от Германии в производстве боеприпасов в Златоусте, Туле и Петрограде. Военному министерству рейха полагалась определенная доля продукции этих заводов. Эта последняя договоренность была подготовлена в Берлине летом 1923 года с советской делегацией, которую возглавлял Аркадий Павлович Розенгольц, в то время член Революционного военного совета и председатель центрального руководства Советских военно-воздушных сил.

Для финансового покрытия своей поддержки этим предприятиям германское военное министерство создало нечто вроде холдинга под безобидным названием Gesellschaft zur Förderung gewerblicher Unternehmungen (GEFU), с главными конторами в Берлине и Москве. Оборотный капитал GEFU в 1923 году, после окончания германской инфляции, составил 75 тысяч рейхсмарок (примерно 18 тысяч долларов США). Но компания просуществовала недолго. Возможно, военные не знали, как подобрать эффективных руководителей бизнеса; в любом случае GEFU впуталась в сомнительные финансовые дела за границей и к концу 1920-х годов исчезла из вида. Ее функции перешли к подобной организации, названной Wirtschaftskontor (WIKO).

«Особая группа «R» осуществляла свой бизнес не только в Берлине, но и одновременно создала свой филиал в советской столице под названием «Централь Москау». Летом 1921 года в Москву приехал некий герр Науман в качестве представителя военного министерства для изучения возможностей военного сотрудничества и организации необходимых концессий. Под псевдонимом Науман скрывалась личность бывшего

тогда майором Оскара Риттера фон Нидермайера, который родился в Баварии в 1885 году. Карьерный офицер, он обрел известность во время Первой мировой войны в качестве командира германской военной экспедиции в Афганистан и за свое авантюрное бегство из этого предприятия. В данном случае выбор фон Секта был вполне естествен, поскольку он сам был заинтересован в Ближнем Востоке еще со времен своей службы в Турции. Частные архивы фон Секта, находящиеся ныне в Соединенных Штатах, содержат пространную машинописную статью фон Нидермайера, возможно написанную примерно в 1920 году, затрагивающую геополитические проблемы этого региона, причем особое внимание уделено панисламистским и пантюркистским течениям» [11, с. 237–239].

«Я впервые, заметил Г. Хильгер, познакомился с ним по его приезду в Москву летом 1921 года. Одной из задач, стоявших перед нами в то время, была инспекция оборонных заводов и верфей в Петрограде, которая, как заявили советские власти германскому военному министерству, могла бы служить подходящей основой для германо-советского сотрудничества в области военной промышленности. Советское правительство предложило Германии, чтобы та оказала техническую и финансовую помощь в восстановлении наиболее важных военных заводов в Петрограде; в качестве вознаграждения за такую помощь Германия получала бы часть этой продукции. Хотя у меня было (и даже заранее) впечатление, что советские планы шли значительно дальше пределов возможностей, открываемых для разбитой и доведенной до нищеты Германии, я был готов участвовать в инспекции этих заводов, особенно в связи с тем, что я рассчитывал получить таким образом неоценимое внутреннее представление о состоянии советской индустрии. То, что советское правительство питало огромные надежды на результаты этой инспекции, было видно из факта, что заместителю комиссара по иностранным делам Карахану, а также советскому представителю в Берлине Виктору Коппу было приказано сопровождать нас в нашей поездке в Петроград.

Впечатление, которое мы получили с фон Нидермайером от этой инспекции, было удручающим. Большинство заводов и верфей не работали, потому что не было сырья и потому что большая часть рабочих подалась в деревни, чтобы не умереть с голоду в городе. Крыши повсюду были повреждены, так что оборудование подвергалось разрушительному воздействию дождя и снега; и к тому же большая часть станочного парка находилась в неопишимо ужасном состоянии. Нам было ясно, что о каком-либо немецком участии в реконструкции петроградской индустрии при таких обстоятельствах не могло быть и речи, потому что тут требовались затраты, превышающие то, что в то время могла себе позволить Германия. Еще более примечательным было то, что советскому правительству в последующие годы все же удалось привести промышленность Петрограда в рабочее состояние без иностранной помощи [11, с. 240].

Отчет фон Нидермайера о результатах его поездки, пишет Г. Хильгер, привел к тому, что военное министерство рейха отказалось от идеи

немецкого участия в восстановлении промышленности Петрограда. Последовавшее потом соглашение с «Юнкерсом», создание «Берсола» и договоренность о немецком техническом содействии в производстве боеприпасов были несколько менее амбициозными, но более безопасными средствами в отношении такого восстановления.

Кроме того, военное министерство заключило соглашение с Красной армией, по которому немецкие пилоты и эксперты по танкам получили возможность ознакомиться с производством и использованием авиации и танков в России; производить и иметь эти виды вооружения (а также подводные лодки и химическое оружие. – Ред.) было рейху запрещено Версальским мирным договором. Красная армия организовала летную школу возле Липецка, в Тамбовской губернии, где проходили обучение сотни немецких экспертов, приезжавших и уезжавших стабильным потоком. Хотя эта школа финансировалась германской армией, участие в ней немецкого персонала маскировалось. Немецкие механики и бывшие кадровые офицеры авиации нанимались как частные лица. Но даже офицеры действительной службы, которых посылали в Липецк в краткие командировки, формально освобождались от несения службы на время обучения на этих курсах. Идентичные договоренности были достигнуты и в отношении функционирования танковой школы возле Казани. Используемые там танки были закуплены в Англии, и как советский, так и германский персонал использовали их на своих занятиях.

Со времени создания и до 1932 года Оскар фон Нидермайер был главой «Централь Москау», осуществлявшей административный, экономический и финансовый контроль этих дел и в дальнейшем выступавшей в роли административного центра для всего германского персонала, с ними связанного. Кроме того, Нидермайер выполнял функции неофициального германского военного атташе, делая регулярные отчеты о своих впечатлениях и наблюдениях. В этом он был более ценен, чем официальный военный атташе, контакты с Красной армией которого были куда более ограниченными, нежели у «Централь Москау». Помимо этого, по соображениям безопасности официальному военному атташе не разрешалось иметь какие-либо контакты с фон Нидермайером и его группой, так что у последнего были все возможности, чтобы пообщаться с постоянным потоком германского военного персонала, проходившего через «Централь Москау» по пути в различные места Советского Союза и обратно.

После освобождения от своих обязанностей в «Централь Москау» фон Нидермайер вернулся в Германию и занял должность профессора географии и геополитики в Берлинском университете. Когда разразилась Вторая мировая война, он отдал себя в распоряжение вооруженных сил, и позднее его произвели в командиры добровольческой дивизии, состоявшей из солдат из Средней Азии. В начальный период гитлеровского режима фон Нидермайер не испытывал недружелюбия в отношении национал-социализма; он даже вступил в партию в относительно ранний период. Однако во время войны в нем развился острый антагонизм к

нацистской политике на оккупированных советских территориях. Поскольку Нидермайер не скрывал своего мнения, он за несколько месяцев до крушения Германии очутился в концентрационном лагере, откуда его освободили аме-риканские войска. Вскоре после этого он переехал в советскую зону оккупации, потому что полагал, что советское правительство примет его с распростертыми объятиями в знак признания его заслуг во имя германо-советского взаимопонимания. Но вместо сердечного приветствия его арестовали по стандартному обвинению в шпионаже и вывезли в Россию. Там Нидермайера видел Ганс Фрицше – в печально известной Бутырке и в состоянии, заставлявшем опасаться за его дальнейшую судьбу. Логично предположить, что советские власти избавились от Нидермайера как от нежелательного свидетеля неприятного прошлого.

На посту главы «Централь Москау» фон Нидермайера заменил полковник фон дер Лит-Томсен, бывший во время Первой мировой войны важным офицером военно-воздушных сил. Оставшись в рейхсвере, даже несмотря на то, что Германии было запрещено восстановление военной авиации, он являлся важным связующим звеном в германо-советской военной кооперации, особенно в том, что касалось военно-воздушных сил. Он участвовал в соглашениях с «Юнкерсом» и помогал в организации школы в Липецке.

Некоторые из тех, кто писал на эту тему, задумывались о мотивах, которые двигали германскими генералами в этом тесном сотрудничестве с Красной армией. Намекая на то, что эти две армии сговаривались о совместной войне против Запада с целью добиться пересмотра мирного урегулирования, Меллвилл писал: «Руководители рейхсвера, проводившие *Abmachungen* (сделку. – Ред.), питали заблуждения, что смогут использовать большевистскую Россию, которая поможет им в долгожданной реваншистской войне с Европой, а потом, в час победы, смогут запугать большевиков и удержать тех на своем месте» [11, с. 241–243].

3 декабря 1926 года «Манчестер гардиан» (ежедневная британская газета, выходящая с 1821 года, с 1959 года называется просто «Гардиан». – Ред.) опубликовала сенсационную статью, в которой утверждалось, что германские вооруженные силы, грубо нарушая условия Версальского мирного договора, тесно сотрудничают с Красной армией. Германская авиационная фирма «Юнкерс», как заявляла «Гардиан», управляет неким филиалом под Москвой; немцы построили в Советском Союзе несколько заводов по производству отравляющих газов; офицеры германской армии совершают частые поездки в Советский Союз, и, наконец, «Гардиан» объявила, что располагает сведениями о крупных поставках вооружений из Ленинграда в Германию. Эти грузы якобы были замечены, когда они следовали транзитом через порт Штеттин.

Британская либеральная газета подвергала суровой критике германские военные круги за секретные сделки [11, с. 231].

На самом же деле, подчеркивал Хильгер, ближайшие цели обеих армий были куда более ограниченными. Германия (или ее военные лидеры) хотела перевооружиться, поддерживать обучение своих кадров из

технических родов войск и развивать современные методы ведения боевых действий. Этого можно было достичь лишь в нарушение Версаля; и Советская Россия была вполне логичным местом для того, чтобы прятать такого рода деятельность. Конечно, Красная армия только выигрывала от таких взаимоотношений; но до тех пор, пока можно было иметь при себе свою козырную карту, такой побочный продукт был весьма желателен.

Для Красной армии контакт с рейхсвером давал возможность крайне необходимого обучения штабной работе и организации. Многие высокопоставленные советские офицеры извлекали пользу из столетий прусского военного опыта (после того как были уничтожены десятки тысяч русских офицеров, а с ними – столетия русского военного опыта. – Ред.) на курсах, которые они проходили в Военной академии в Берлине. Кроме того, германское техническое содействие помогало ускорить строительство советской военной промышленности. Тот факт, что Советская Россия тем самым одновременно способствовала германскому перевооружению, являлся сознательно уплачиваемой ценой. Возможно, Кремль придерживался мнения, что немецкая изобретательность все равно найдет способ, чтобы обойти условия Версаля; в этом случае выигрывала и Красная армия, извлекавшая пользу из ситуации, улучшая собственные методы, получая информацию о рейхсвере и помогая немцам саботировать Версаль.

Более того, сотрудничество двух армий никогда не останавливало Коммунистический интернационал от яростных попыток подрывать мощь германских вооруженных сил.

Волленберг даже утверждал, что некоторая часть средств, полученных от рейхсвера, была передана Германской коммунистической партии на антивоенные кампании и на то, чтобы создать коммунистические ячейки среди рядового состава. В свою очередь, вечная борьба фон Секта против коммунистической деятельности в армии шла рука об руку с его политикой сотрудничества. Принимая все это во внимание, возможно, будет удивительно, что военные вопросы были той областью советско-германских отношений, которая не была затронута какими-либо серьезными инцидентами. Напротив, личные отношения между военными двух армий были великолепными и быстро переросли в сердечную дружбу [11, с. 243–244].

Фон Сект, отмечал далее Г. Хильгер, ещё в 1922 году поддерживал политику прямых переговоров между двумя армиями. В меморандуме, который он послал рейхсканцлеру в ответ на *pro memoria* (напоминания) Брокдорфа-Ранцау, он заявлял, что такие прямые сделки избавят от необходимости привлечения невоенных учреждений рейха и тем самым спасут политические и государственные ветви власти от всяких возможных неприятностей. «То, что эти [военные учреждения] не заключат каких-либо обязательных для рейха соглашений без ведома учреждений, определяющих политику, должно приниматься как нечто само собой разумеющееся», – добавил он. Фактически фон Сект вышел за рамки этого предложения, заявляя, что создавать русскую военную промышленность, способную при необходимости помочь Германии, – дело не рейхсвера, а

германского бизнеса, при условии, что эти деловые круги будут следовать указаниям, исходящим из военного министерства.

И как следствие, правительство, похоже, утратило не только контроль над германо-советским военным сотрудничеством, но и, вероятно, имело лишь смутные представления о деятельности и сделках фон Секта и его офицеров. В этом, кажется, самое логичное объяснение многих неправильных представлений в отношении германо-советского военного альянса, которые стали основой страхов фон Гинденбурга и предостережений, высказанных в рго memoia Ранцау. После своего назначения на пост посла Ранцау убедил себя, что никакой такой альянс не предполагался (а тем более заключался), но он не переставал жаловаться на отсутствие связи между военными и остальными ветвями исполнительной власти. Военные миссии прибывали в Советскую Россию даже без ведома посла, либо если они и появлялись в посольстве, то не обращали внимания на правила, выработанные Ранцау для переговоров. Германские офицеры делали в России совершенно безответственные заявления и предлагали фантастические сделки, которые русские, похоже, принимали за чистую монету лишь какое-то время; потом эти предложения становились не чем иным, как источниками неприятностей для политического представителя рейха, то есть Ранцау [11, с. 245–246].

В феврале 1923 года группа высокопоставленных офицеров, включая генерала Гассе, майора Чунке и в то время майора Фишера, провела некоторое время в Москве; и граф Ранцау выразил в резкой форме обиду министру иностранных дел по поводу неконтролируемых разговоров генерала Гассе о великой освободительной войне, которая начнется через три-пять лет, и его вежливом обещании прислать вскоре в Москву постоянного военного атташе – то есть продвигая ту политику, которую сам посол в категорической форме отвергал. Другие миссии вступали в финансовые сделки или переговоры, размах которых, по мнению графа, далеко выходил за рамки компетентности военных и которые следовало рассматривать прежде всего как политические. Отсюда и неоднократные требования Ранцау, чтобы политические и военные власти установили тесную связь и пришли к единому мнению о советско-германском военном сотрудничестве. Но и независимая инициатива, отданная на откуп частному бизнесу, не принесла всеобщего удовлетворения, потому что в конечном счете она была основана на самообмане. Берлин всегда хорошо осознавал, что все эти сделки имели решительно политический характер. Однако, как только бизнесу был подан одобрительный сигнал, министерство иностранных дел не смогло предложить ничего иного, кроме добровольного совета. Русские, в свою очередь, также понимали, что эти сделки выходили за рамки частного бизнеса; но они совершали противоположную ошибку, рассматривая этот бизнес как полуофициального представителя Германского государства. Поэтому они придавали разговорам с частными промышленниками откровенно политический тон [11, с. 246].

Главная жалоба посла основывалась на его подозрении в том, что Советская Россия в военных соглашениях постоянно является выигрывающей стороной. Мне вспоминается разговор с уже упоминавшимся А.П. Розенгольцем летом 1923 года, в котором Ранцау открыто заявил, что германские заказы на военные материалы следует в действительности рассматривать как прямую субсидию в советскую военную промышленность, особенно учитывая астрономические цены, которые Германии приходится платить. Ранцау настаивал на том, что из военных соглашений необходимо извлекать конкретные политические преимущества. В то время как фон Сект был либо удовлетворен военными выгодами получения оружия, боеприпасов и поддержания процесса обучения его персонала, либо считал, что политические преимущества станут естественным и автоматическим следствием тесного военного сотрудничества, посол постоянно требовал, чтобы переговорщики требовали от советского правительства по крайней мере четкой гарантии против Польши.

Посол то и дело бомбардировал своих вышестоящих начальников в Берлине всеми этими жалобами. Хотя причины для этих жалоб никогда не устранялись до такой степени, чтобы удовлетворить его полностью, Ранцау, по крайней мере, удалось вынудить кабинет взять на себя определенный контроль над вопросами военного сотрудничества. Уже в ноябре 1922 года Вирт взял на себя труд заверить посла, что впредь заставит генералов сотрудничать. Более активную поддержку он получил летом 1923 года от канцлера Куно. Тот и некоторые члены его кабинета решили посодействовать Ранцау, перенеся некоторые переговоры в Берлин, исключив тем самым из процесса фон Нидермайера, который особенно активно противодействовал послу своими своевольными и безответственными поступками. Еще одна причина, по которой граф хотел, чтобы русские ехали в Берлин, – это предупреждение на случай утечки информации возможности, что Германия в таком случае окажется единственной ответственной за такие политически взрывчатые переговоры. И поэтому, когда в июле 1923 года Чичерин сказал нам, что его правительство пошлет в Берлин Аркадия Розенгольца для прямых переговоров с кабинетом, Ранцау одержал тактическую победу, которая превратилась в триумф, когда на одной из первых конференций в Берлине было решено, что отныне посольство в Москве должно контролировать военные соглашения [11, с. 246–247].

«К концу 1926 года, писал Г. Хильгер, когда «Манчестер гардиан» вышла со своими «разоблачениями», чисто военное сотрудничество в авиационной и танковой школах было в полном разгаре. Германское финансовое участие и техническое консультирование в области расширения и модернизации советских заводов боеприпасов прекратились, хотя германская армия все еще получала поставки вооружений с этих заводов. Советско-германская химическая компания «Берсол» была ликвидирована через несколько лет после своего создания; но в начале 1926 года заместитель военного комиссара И.С. Уншлихт (типичный представитель «ленинской гвардии», с 1917 года член и председатель различных органов, в

1921–1923 – зампредседателя ВЧК–ГПУ; в 1925–1930 – зампредседателя РВС СССР и наркома военных и морских дел и т. д. Расстрелян. – В.К.) в обстановке величайшей секретности отправился в Берлин и сделал амбициозные предложения Штреземану, фон Секту и другим политическим лидерам кабинета. Он изложил планы строительства заводов для производства тяжелой артиллерии, химических боеприпасов, прецизионных инструментов и других материалов, которые Версальский договор запрещал Германии иметь либо использовать. Уншлихт предложил, чтобы с этими промышленными предприятиями были связаны школы подготовки офицерского состава. Он также просил оказать финансовую поддержку и дать гарантии, что Германия будет покупать какую-то долю продукции этих заводов, пока Красная армия еще не будет в состоянии использовать ее, сделав тем самым строительство этих заводов экономически целесообразным.

Не знаю, материализовались ли предложения Уншлихта полностью. В любом случае в конце 1926 года немецкие технические и медицинские эксперты все еще находились в Советском Союзе, оказывая помощь в экспериментах с некоторыми химическими веществами. Кроме того, офицеры Генеральных штабов обеих стран постоянно участвовали в армейских маневрах другой стороны и обменивались военной информацией и опытом.

Ко времени «разоблачений» в «Манчестер гардиан» завод фирмы «Юнкере» в Филях был закрыт. Контракт между «Юнкерсом» и Советским Союзом был преждевременно прекращен, и каждая из сторон винила в этой неудаче другую. Общие правила в отношении концессий и особенно советское трудовое законодательство, по которому эти предприятия были обязаны работать, представляли собой такую проблему, что фирма «Юнкерс» неоднократно пыталась их обойти. Однако советские власти не проявили никакого желания делать то же самое, и, может быть, это было для них политически и экономически невыполнимо – предоставить исключительный статус какому-то иностранному концессионеру в нарушение своих собственных законов. Не добившись успеха в преодолении этого барьера, люди «Юнкерса» обвинили советские власти в злых намерениях, поскольку последние делают работу, согласованную в контракте, невыполнимой. Но в ответ выставлялись обоснованные обвинения в том, что «Юнкерс» совершил явное нарушение контракта, не сумев приступить к производству авиамоторов в согласованный срок; компания также не ввезла некоторые необходимые для производства материалы и не проявила каких-либо усилий в организации своего производства в Советском Союзе» [11, с. 248–249].

Статья в «Манчестер гардиан», писал Г. Хильгер далее, разорвалась как политическая бомба как раз в то время, когда военный министр Отто Гесслер находился под непрекращающимся «обстрелом» со стороны социал-демократов по поводу его якобы сговора с антиреспубликанскими кругами крайне правого толка. Эти новые разоблачения, которые в течение последующих десяти дней были подкреплены новыми порциями доказательств, стали завершающим ударом. 16 декабря 1926 года социал-демократический депутат

Шейдеман в своей воинственной и разгневанной речи в зале заседаний рейхстага внес предложение, чтобы этот орган отказал в доверии кабинету министров; в результате голосования по этому предложению кабинет канцлера Вильгельма Маркса был сокрушен подавляющим большинством голосов. Социал-демократы были твердо намерены провести глубокое расследование этого вопроса и призвать военных к ответу.

В министерстве иностранных дел, среди военных кругов и в посольстве в Москве настроение было в основном сочетанием печали и раздражения в связи с тем, что социалисты позволили соображениям партийной политики возобладать над тем, что многие из моих коллег считали национальным интересом. Дипломаты и военные воспринимали международную политику «двухпартийной», веря, что ни один лояльный немец не способен нанести вред хрупкой ткани международных отношений, которую опытные чиновники в министерстве иностранных дел и в военном министерстве так тщательно пряли ради блага нации. Их излишнюю чувствительность открыто выразили с трибуны рейхстага представители консервативных партий, которые бросались эпитетами «предатель» в адрес Шейдемана и его товарищей по партии. Ибо, по мнению солидного, уважаемого гражданина, военные дела рейха не подлежат публичному обсуждению, особенно когда они не только нарушают стандартные соображения безопасности, но еще и создают серьезные политические неприятности [11, с. 249–250].

Германские законодатели также сообща стремились утихомирить критиков и болтунов. Когда 19 января 1927 года «Мюншнер пост» опубликовала имена офицеров рейхсвера, находившихся во временных командировках в России, ее редактор был осужден за предательство. Летом 1930 года капитан Амлингер разбился во время испытания самолета в России, и его вдова опубликовала традиционное извещение о смерти с припиской, что ее муж умер «за свое германское Отечество в далекой России, занимаясь своей профессией летчика». И здесь власти тоже оперативно сработали, чтобы замять эту историю.

Публикация статей в «Манчестер гардиан» и «Форвертс» с такой тревогой рассматривалась министерством иностранных дел потому, что, с одной стороны, возникала угроза обострить подозрения западных держав, чьей дружбы Штреземан тогда всеми силами искал. Но одновременно возникала еще большая угроза политике открытых дверей для дружеских отношений с Россией.

Обнародование фактов германо-советского военного сотрудничества поставило в самое неудобное положение германскую коммунистическую партию, что с готовностью было использовано и смаковалось социал-демократической прессой. «Форвертс» ликующе разглаговольствовала, что пули, которыми войска рейхсвера подавили к крови коммунистическое восстание 1923 года, возможно, были отлиты на «родине пролетариата». В стенах рейхстага представители буржуазии могли наслаждаться даже еще более занимательным зрелищем трех взаимно

враждебных, ожесточенно сражавшихся между собой коммунистических фракций, оскорблявших друг друга. (Данный состав рейхстага был избран в 1924 году, и с того времени некоторые депутаты- коммунисты перешли в оппозицию сталинистскому центру, но отказывались освободить свои места.) Все эти недели, во время которых бушевал этот политический шторм, официальная коммунистическая газета «Роте фане» либо печатала категорические опровержения этих обвинений, либо защищалась благоразумным и смущенным молчанием. Тем не менее яростные споры по поводу этих разоблачений наверняка шли и внутри Коминтерна, и представлялось вероятным, что партии, входящие в Коминтерн, будучи идеологически преданными неослабевающей борьбе против милитаризма и перевооружения, вынудят правительство Советского Союза закончить со своим военным сотрудничеством с рейхом.

Тем временем советские власти (и в Москве, и в Берлине) срочно потребовали, чтобы ничто впредь не разглашалось общественности и даже рейхстагу. Но умеренные партии, особенно социал-демократы, требовали от военного министра объяснений. На запрос комиссии по ассигнованиям прокомментировать эти разоблачения военный министр Гесслер тянул время, обещая предоставить детальное разъяснение комиссии по иностранным делам. Даже это обещание, о котором сообщалось в германской печати, интерпретировалось советскими лидерами как опрометчивость, и, как обычно, воображение Ранцау в Москве рисовало мрачные картины крушения всего германо-советского сотрудничества [11, с. 250–251].

С этого времени, заметил Г. Хильгер, «советские руководители стали крайне осторожными. С одной стороны, Чичерин, Литвинов, Ворошилов и Уншлихт воспользовались возможностью добиваться много более широкого и тесного сотрудничества, которое также распространялось и на вопросы разоружения. С другой стороны, они сделали любое дальнейшее сотрудничество зависящим от твердых немецких гарантий, что впредь их не будут тревожить никакими новыми «разоблачениями». После одной из своих бесед с Луневым (С.В. Петренко-Лунев (1890–1937), бывший поручик царской армии (командир телеграфной роты), при новой власти дослужился до комкора. В 1925– 1928 годах был военным атташе в Берлине. Расстрелян), советским военным атташе в Берлине, Фишер писал фон Секту: «На этот раз как ни странно, именно другая сторона озвучила опасения, что наш МИД объявит об этом соглашении в той манере, в какой ведется наш работа» [11, с. 253].

В первые месяцы 1927 года генерал фон Сект, не имея в тот момент никакого официального поста, был в отпуске в Италии. Перед возвращением домой, в Германию, он наметил поездку в Турцию, где воевал в боях Первой мировой войны, а оттуда нанести визит в СССР. В свете недавних «разоблачений» его запланированный визит вдруг стал угрожать привлечением больших политических трудностей, чем были готовы вынести Советы. В соответствии со своей осторожной, насыщенной подозрительностью линией поведения советские представители намекнули

министерству иностранных дел (через Брокдорфа-Ранцау), что было бы мудро отложить этот визит, пока не уляжется буря.

Хотя полковник Фишер и призывал генерала не обращать внимания на эти предостережения, МИДу удалось убедить генерала отложить эту поездку. Так фон Сект и не попал в Россию. Даже когда фон Сект занимал официальные должности, он, видимо, понимал, что после вмешательства Берлина вся политическая ответственность за этот визит легла бы на советские власти, а у генерала не было желания доставлять им какие бы то ни было неприятности [11, с. 253–254].

В конце концов советские подозрения утихли, и вместо прекращения военного сотрудничества между Германией и Советским Союзом только усилилось. Штреземан выразил свое одобрение продолжающемуся функционированию школ в Липецке и Казани. Немецкие ученые были посланы в Оренбург для помощи в проведении военно-химических экспериментов. На короткое время германская армия перестала отправлять своих офицеров, находившихся на действительной службе, в русские школы, но это длилось недолго, и еще больше немецких офицеров, чем прежде, стали прибывать через «Централь Москау», хотя теперь уже предпринимались значительно более серьезные меры предосторожности, чтобы замаскировать их под гражданских лиц. С другой стороны, немецким офицерам, участвовавшим в маневрах Красной армии, отныне разрешалось носить свою военную форму. Советский Союз посещали германские офицеры высочайшего ранга, и среди них – бывший тогда в звании полковника Вернер фон Бломберг (1878–1946, в 1927–1929 годах начальник войскового управления (фактически Генштаба); с 1935 года – военный министр и главком вооруженными силами. Из-за оппозиции резко авантюристическому курсу Гитлера был в 1938 году уволен в отставку (под надуманным предлогом) и даже генерал Курт фон Хаммерштайн, тогдашний командующий армией. Германского военного атташе полковника (впоследствии генерала) Кестринга летом 1931 года взяли в инспекционную поездку по частям Красной армии, растянувшуюся на более чем 11 тысяч километров, и по возвращении он доложил своему бывшему начальнику, генералу фон Секту, что со всех точек зрения в Красной армии видны результаты немецкого военного влияния. «Наши взгляды и методы красной нитью проходят через них», – писал он.

Подобная интенсификация добрых отношений произошла и в экономическом аспекте германо-советского военного сотрудничества. В 1928 году Крупп подписал соглашение, по которому обязался оказать техническую помощь в производстве качественных и высоколегированных видов стали как для военных, так и для гражданских нужд. Весной 1930 года проходили дальнейшие переговоры между наркомом военных и морских дел (и председателем Реввоенсовета) Ворошиловым, заместителем наркома Уншлихтом и советским главой артиллерийско-технического и вещевого снабжения генералом Уборевичем (1896–1937, до революции подпоручик, начальником вооружений РККА был в 1930–1931 годах.

Расстрелян), с одной стороны, и такими германскими корпорациями, как «Крупп» и «Рейнметалл-Борзиг», с другой стороны [11, с. 254–255].

Примерно в это время полковник Джемс Маршалл Корнуолл, британский военный атташе в Берлине, вручил своему послу сэру Горацио Рамболду доклад о деятельности германской армии, который содержал следующий пассаж: «Отношения между германскими и советскими военными властями останутся в некотором роде загадкой. Такое сотрудничество, какое существует, основано чисто на принципе взаимной выгоды, но похоже, что не так давно отношения были менее сердечными и было наверняка меньше обменов визитами между старшими штабными офицерами этих двух стран. Практика командирования германских офицеров для тренировочных полетов в Россию, преобладавшая с 1927 по 1930 год, недавно, видимо, была прекращена. Определенно нет германских офицеров-инструкторов, прикрепленных к Советской армии. В Москву был послан новый германский неофициальный представитель, полковник Кестринг. Охлаждение германо-советских отношений может быть частично отнесено на счет яростной пропагандистской кампании, направляемой [Германской] коммунистической партией против рейхсвера» [11, с. 255].

Переходя к военному сотрудничеству Германии и СССР, между рейхсвером и Красной Армией (вермахтом и Красной Армией) в 1930-е гг., Г. Хильгер замечает, что «нам ещё предстоит разговор о приходе Гитлера к власти на основе дружбы рейхсвера и Красной Армии» [11, с. 255], но от подобного разговора далее уходит, сведя всё к политико-дипломатическим отношениям Берлина и Москвы после прихода в январе 1933 г. к власти, включая всю гамму и напряжённость в германо-советских отношениях в 1939-1941 гг. [11, с. 305–412].

Заключение. Таким образом Густав Хильгер, занимавший должность советника германского посольства в Москве 1923–1941 гг. рассказал в своей книге многое о секретных связях Красной Армии и рейхсфера, военно-политическом, военном и военно-техническом сотрудничестве Берлина и Москвы в период известный в истории германо-советских, отношений «рапальской политики» 1922–1932 гг., о чём не было принято говорить в Советской историографии до «перестройки Горбачёва».

Вместе с тем, многие важные детали германо-советского военного сотрудничества, Г. Хильгер сознательно опустим. Он не рассказал о том, что в марте 1920 г. по секретным данным 2-го бюро военного министерства Польши между Германией и Советским правительством был заключён военно-политический договор, подписанный Лениным, Троцким. И Чичериным с советской стороны и Носке Эрцбергером и Бауэром, как представителями германского правительства с немецкой. Согласно этому договору Германия обязывалась: оснастить русскую армию и промышленность, чтобы они могли противостоять англичанам в Азии и Польши и всемерно поддерживать Россию в её мирных переговорах с западными державами. Советское правительство приняло на себя обязательства предоставить немцам в эксплуатацию шахты, железные дороги, каналы и

крупные предприятия, а также поддержать Германию в случае конфликта [4, с. 32–33].

К этому времени число немецких инструкторов в Советской России достигло 20000 человек. Они приезжали в Россию обычным морским путём из Штеттина [4, с. 33]. «Веймарская республика, – отмечает в своей книге «Брестский мир. Победа и поражение Советской дипломатии» (М., 2009. С. 11–12) британский историк Джон Уиллер-Беннет, – при поддержке большей части руководства генерального штаба, чьи взгляды весьма рельефно выражал генерал фон Сект стремилась к сближению с Советским Союзом и весьма в этом преуспела, что выразилось в подписании Рапальского договора и военного соглашения от 3 апреля 1920 г., а также советско-германского договора о дружбе и нейтралитете от 1924 г.»

19 апреля 1920 г. Германия и РСФСР подписали соглашение о возвращении на родину военнопленных и интернированных с обеих сторон. Это соглашение юридически закрепило существование миссий наблюдения. В Москве такую миссию возглавил Густав Хильгер в Берлине – Виктор Копп [4, с. 33].

Источники и литература

1. Ахтанзян, А.А. Профили рапальский дипломатии (очерки) / А.А. Ахтанзян. М., 2009. – 288 с.
2. Гаспарян, А. С. Россия и Германия друзья или враги? / А. С. Гаспарян. М., 2017. – 352 с.
3. Горлов, С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва-Берлин., 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР-Германия) / С.А. Горлов. М., 2001. – 352 с.
4. Дьяков, Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсфер Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы / Ю.Л. Дьяков Т.С. Бушуева. М., 1992. – 384 с.
5. Кантор, Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20-30-х годов / Ю.З. Кантор. М., 2014. – 383 с.
6. Космач, В.А. До и после Рапалло: Советская Россия и СССР во внешней культурной политике Германии (1917-1932 гг.). Монография / В.А. Космач. Витебск, 2003. – 178 с.
7. Молодяков, В.Э. Тайный сговор или Сталин и Гитлер против Америки / В.Э. Молодяков. М., 2008. – 368 с.
8. Молодяков, В.Э. Россия и Германия: Дух Рапалло (1919-1932) / В.Э. Молодяков. М., 2009. – 176 с.
9. Уиллер-Беннет, Дж. Брестский мир Победы и поражения советской дипломатии / Дж. Уиллер-Беннет. М., 2009. – 415 с.
10. Россия и Германия 1900 1945. Сплетение истории / Б.Л. Хавкин. М., 2014. – 424 с.
11. Хильгер Г., Майер А. Россия и Германия союзники или враги? / Г. Хильгер, А. Майер. М., 2008. – 415 с.
12. Шикорад, А.Б. Россия и Германия. История военного сотрудничества / А.Б Шикорад. М., 2007. – 400 с.
13. Zeidler, M. Reichwehr und Rote Armee. 1920-1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit / M. Zeidler. Munchen, 1993. – 375 S.